Лето набирало тепла и душистых запахов трав, стремительно неслось к Лугнасаду. Стив пропадал в поле, собирая всё, что могло бы пригодиться ему для врачевания, и часто возвращался с туеском ягод или грибов. Каждый раз Баки радовался его возвращению, словно встречал впервые, и вовсе не при тех жестоких обстоятельствах, а совсем других — как духа поля, лета, как бога Луга. Словно он сам — мальчишка, поджидающий свою временную пару на празднике, а встретивший кого-то намного важнее — навсегда. Особенного, необходимого. До чего же Стив был хорош этим летом! Баки не мог им надышаться, насмотреться не мог. Прихваченная загаром кожа, словно медовая, золотилась под солнцем. Россыпь веснушек на носу, щеках и плечах стала медной, а светлые глаза — совсем не холодные, а ярко-голубые, как это летнее небо над их головами, с каждым взглядом прожигали его насквозь.

Но ещё больше, чего ждал Баки, была улыбка. Солнцу было не тягаться с этой улыбкой, с какой Стив возвращался к нему каждый раз, бежал навстречу, и его простое лейне путалось между ног, а сам он, босоногий, спешил, осторожно прижимая к себе замотанные в отрезы ткани травы и туески, и Баки чувствовал, словно тоже бежит он к нему с раскинутыми руками, чтобы упасть в объятия, чтобы отдаться в жадном, солёном поцелуе, чтобы туески таки выпали из рук, а отрезы ткани размотались, рассыпая у их ног с таким трудом добытые травы.

И Стив ни разу не возвращался по другому. И Баки думал, что застрял в этих летних днях, как в густой капле верескового мёда. Вот бы остаться так навечно.

В это ясное утро Хмага пошла с ним в деревню — он нёс на продажу последнюю шкуру, что не была им нужна. Хорошая хозяйка задумывается о холодных днях ещё летом, покупает шкуры и мех, и шьёт тёплую одежду. На это Баки и рассчитывал: они уже достаточно накопили монет, чтобы взять во двор козу и несколько кур. Сегодня был день, когда его мечта как хозяина должна осуществиться. Они достроили небольшой загон и нечто, похожее на курятник. Стив с раннего утра, если не сказать, что с ночи, исчез в большом поле за их хижиной, но Баки к этому уже давно привык. Стив никогда не уходил, не разбудив его, сонного, и не оставив на его щетине поцелуй, а в горшке в углях очага — сытную кашу.

В этот раз дорога до селения была тревожной. Птицы, что обычно вели себя спокойно, словно взбесились, своим громким взбудораженным щебетом заставляя Баки морщиться и озираться по сторонам. И ничего опасного не находить: те же кроны деревьев над головой, светлые просветы меж редкими стволами, и едва заметная, им самим протоптанная тропка под ногами. Он свистнул Хмаге, чтобы та не убегала далеко вперёд, и лохматая серая волчица вынырнула из кустов, чтобы скрыться в противоположных. Баки поудобнее перекинул шкуру через плечо, проверил большой нож в ножнах на поясе, убрал запирающий их хлястик — вдруг что?

Добрался до первых жилых хижин только к полудню, когда солнце встало посреди неба, не давая тени выскальзывать далеко из-под ног. Пара десятков хозяйств, небольшая площадь посреди, где устраивали утренний торг. Его тут уже знали, кому-то он примелькался на торге, с другими говорил лично: с кузнецом да мельником, живущими по соседству на другом краю поселения, у небольшого ручья. И с семейством Мархи, женщины, у которой он с зимы выменивал молоко да яйца на дичь. У них как раз и подрастала козочка. А вот насчёт кур Баки не подумал. Тут без помощи Стива было не справиться. Ну ничего, сегодня он сможет всё разведать, а потом уже вместе со Стивом придут. Всё одно стыдиться им нечего — их многие тогда меж Драконьих зубов видели, пусть наверняка и не разглядели ничего. Селяне хоть и отводили от него глаза порой, но лишним вниманием или злобой не докучали.

Баки ступал по мягкой, нагревшейся земле, оглядывая людей вокруг. Всё чувствовалось странно сегодня. Беспрестанно лающие собаки, жители поселения, при виде его спешившие скрыться в своих домах, дорога… И тут только Баки понял, что так тревожило его, чему он не отдавал отчёта — потому что уже отвык. Вся площадь меж хижинами была изрыта конскими копытами. Откуда тут лошади? Отродясь никого, крупнее мулов не держали. И приезжать в затерянную меж лесами и лугами Дал-Риады деревеньку некому. Разве что…

Он бегом добежал до хозяйства Мархи — и заколотил по двери, потому что снаружи не было никого. И это было очень странно для полудня тёплым летним днём.

— Кто там? — спросили из-за двери. — Мы никого не ждём.

— Джеймс Однорукий, — назвался Баки именем, под которым его тут хорошо знали. Сердце стучало громко и быстро от того, что он начал себе представлять. Ему срочно нужно было узнать… — Я шкуру принёс. Последняя. Остальные нам самим понадобятся — на одежду. Купишь, или дальше нести?

Тяжёлая низкая дверь приоткрылась, из-за неё выглянула женщина с медными, местами поседевшими волосами. Оглядела его с ног до головы. Чуть задержалась взглядом на простом рукаве лейне и подняла глаза.

— Шкуру оставляй, я возьму. В счёт части платы за козу. Я помню, что ты козу хотел взять.

— Скажи-ка мне, Марха, — Баки слукавил, чуть отпуская тревожную дрожь наружу: — что всё-таки случилось тут у вас? Что за следы от подкованных коней повсюду?

Женщина округлила глаза и дрогнувшей рукой хотела было затворить перед Баки дверь, да не тут-то было. Он хоть и однорук, но не глуп и быстр. Да и шкура, перекинутая через плечо, помогла задержать толстую деревянную створку.

— Марха, — вкрадчиво, рычаще позвал Баки, упрямо втискиваясь внутрь. Та отступала от него, держась обеими руками за рот, словно увидела покойника. — У тебя дети малые в доме — я их слышу. Не пугай их. Скажи, что мне надо — и я уйду. Я не желаю вам беды.

Марха громко вздохнула и осела на низкую скамеечку, что попала ей под ноги. Её грязная по подолу юбка окутала ноги, скрывая обмотанные шкурками ступни.

— Прости меня, однорукий, прости, — запричитала она. — Я не знала, что отвечать, никто не знал. А воины те одаривали щедро, кто хоть словом обмолвился…

— Покажи! — приказал Баки, не раздумывая, откуда в его голосе эти нотки — властные и жёсткие, которым невозможно сопротивляться.

Марха засучила руками под короткой лейне, шаря по поясу. Наконец, выхватила небольшой тугой мешочек и, не в силах отвязать его — руки тряслись — рванула тесьму, протягивая его Баки.

http://erolate.com/book/3459/83659